

он ощущал себя наполовину умершим, о близком, родном существе безутешно тоскует слепой одинокий старик. Горечь земной утраты, а вовсе не осознание упущенных возможностей рвет на части его сердце. Он плачет не о том, чего у него в жизни не было, не о том, что ему не дано было познать. Он плачет о том, что составляло «половину его жизни» и без чего композитор не чувствовал в себе более той «полноты бытия», которая была ему дарована Провидением.

Из всех героев «Дома сумасшедших» Баху, пожалуй, повезло менее всего. Поздняя авторская правка плохо вписалась в уже имеющуюся идейную канву. Добавленный в финале абзац кардинально изменил угол прочтения текста, внося в него изначально отсутствовавший мотив «суда» и «приговора». Благодаря автору «Русских ночей» суд над Бахом в исследовательской литературе продолжается по сей день.

Принципиально иное место занимала «биография» Баха в архитектонике «Дома сумасшедших». Будучи финальным разрешающим аккордом общего замысла, она представляла историю «святой жизни художника», творца по преимуществу, гения, на земном уровне достигшего высших ступеней совершенства. Даже в сравнении с Бетховеном Бах оказывается в более выгодной позиции. Его внутренний мир гармоничен, чист, недоступен земным тревоблениям. В нем безраздельно царит творчество, подерживаемое идеальной любовью. Жена Баха — образец спутницы гения, жена-помощница, жена-секретарь, жена-единомышленница. О другой и мечтать для творца не приходится. В жизни Баха жена и музыка спаяны настолько крепко, настолько неразрывны они в его сознании, что он почти не ощущает между ними границы. Музыка переливается в любовь, любовь в музыку — целомудренно, полно, почти совершенно.

Но совершенства и полноты бытия мир грубой материи не терпит. Точно диковиной бабочке, обрывает он крылья творцу — деловито, методично, без суеты. Избежать этой страшной участи, кажется, никому еще не удавалось. Удел совершенства в мире — страдание. Эта истина во всей своей полноте раскрывается в последней новелле цикла. Игривых страстных канцонетт, а вовсе не божественных гармоний требует от творца копошащийся людской муравейник. Не Бах, а итальянская пустышка с черными полуденными глазами правит бал на уровне земного бытия. И против этой пустышки нет противоядия. Могильной плитой придавлено в мире мер одно из самых совершенных божественных творений. Согласно логике земного существования, чем выше ступень духовного развития, тем беспросветнее мрак и тяжелее плита.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-89-99

© Е. И. Вожики

АЛЬМАНАХ В ЭПОХУ ЖУРНАЛОВ: «ДАГЕРОТИП» (1842) Н. В. КУКОЛЬНИКА*

С начала 1830-х годов российская правительственная политика в отношении печатных изданий становилась все более строгой.¹ В это время были закрыты «Европеец» И. В. Киреевского, «Московский телеграф» Н. А. Полевого, «Телескоп» Н. И. Надеждина, а открытие новых журналов было весьма затруднено. Именно с этими обстоятельствами Н. П. Смирнов-Сокольский связывает начало второго «альманахного периода», который приходится на первую половину 1840-х годов.² Альманахи

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-20003 «Государство и институты литературы: от реформ Петра I до „Великих реформ“».

¹ См.: Лемке М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 185; Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892. С. 308.

² Смирнов-Сокольский Н. П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. М., 1965. С. 20.

заявляли о себе громче, «когда так называемым „толстым“ журналам теми или иными способами затрудняли существование»,³ потому что к альманахам и сборникам цензура предъявляла меньше требований.

Именно в это время Н. В. Кукольник начинает издавать альманах «Дагеротип», который до сих пор остается практически не изученным исследователями.

Ранее Кукольник принимал активное участие в издании альманаха В. А. Владиславлева «Утренняя заря» — одного из наиболее успешных альманахов конца 1830-х — начала 1840-х годов. По утверждению В. Г. Белинского, «его успех опять ввел в моду альманахи».⁴ Данные библиографического указателя Смирнова-Сокольского «Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв.» подтверждают слова критика. После 1839 года появляются такие альманахи и сборники, как «Новогодник» (1839) того же Кукольника, «Одесский альманах» (с 1839) Н. И. Надеждина, «Сто русских литераторов» (1839) А. Ф. Смирдина и «Русская беседа» (1841), издававшаяся в его пользу, «Невский альбом» (1840) Н. И. Бобылева, «Наши, списанные с натуры русскими» (1841) А. П. Башуцкого, «Молодик» И. Е. Бецкого (с 1843) и некоторые другие. Все они представляют собой собрания прозаических и стихотворных сочинений, оригинальных или переводных.

Поздний альманах пока не получил развернутого описания в научной литературе, хотя он мало напоминает традиционный альманах 1820–1830-х годов, — по определению У. М. Тодда III, «изящный карманный томик, отвечающий литературным вкусам публики и претендующий на утонченность».⁵ С. А. Венгеров пишет, что термин «альманах» «во второй половине века почти исчезает и заменяется словом „сборник“. <...> по существу такие литературные и научно-литературные сборники ничем не отличаются от альманахов».⁶

Отсутствие у поздних альманахов четких дифференциальных признаков привело к тому, что их стало сложно отличать от периодических изданий (журналов и газет). Проблема эта была особенно острой для цензоров. Пытаясь ее разрешить, 23 сентября 1841 года С. С. Уваров предложил Московскому цензурному комитету следующее определение сборника: «В сборниках такого рода не могут быть излагаемы <...> сведения о современных текущих явлениях по какой бы то ни было отрасли наук, литературы и пр.» И далее: «Критика как последовательное и периодическое суждение о произведениях, выходящих по какой-либо отрасли наук, литературы и пр., а тем более полемика, не должны быть допускаемы в сборнике».⁷

Запрет на освещение современных событий, а также на включение в состав альманахов и сборников критического и библиографического отделов следует признать первым и главным признаком этого типа издания в начале 1840-х годов. Он в полной мере присущ альманахам и сборникам, названным выше. На первый взгляд, альманах Кукольника «Дагеротип» также соответствует этому цензурному требованию. Вместе с тем при ближайшем рассмотрении оказывается, что это не вполне справедливо. Не ставя перед собой цели провести исчерпывающий анализ этого любопытного издания, мы постараемся показать это, привлекая к анализу ранее не вводившиеся в научный оборот дневниковые записи Кукольника.

Конец 1841 года оказался для Кукольника тяжелым временем: в этот период многие обстоятельства препятствовали развитию его литературной карьеры, ранее весьма успешной.

Во-первых, неблагоприятным образом складывались взаимоотношения литератора с властью. За рассказ «Сержант Иван Иванович Иванов, или Все заодно»⁸ Куколь-

³ Там же. С. 26.

⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1954. Т. 4. С. 120.

⁵ Тодд III У. М. Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб., 1996. С. 95.

⁶ Русские книги. С биографическими данными об авторах и переводчиках (1708–1893): В 3 т. СПб., 1898. Т. 2. С. 214.

⁷ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 233.

⁸ Кукольник Н. В. Сержант Иван Иванович Иванов, или Все заодно // Сказка за сказкой. СПб., 1841. Т. 1. С. 1–55.

ник получил упреки в «безнравственном» изображении допетровского провинциального дворянства и искажении облика самого Петра.⁹ В письме от 6 января 1842 года А. Х. Бенкендорф писал Кукольнику о неприятном впечатлении, которое произвел рассказ на императора Николая I, и предупреждал: «Желание ваше непрерывно выказывать добродетель податного состояния и пороки высшего класса людей не может иметь хороших последствий, а потому не благоугодно ли вам будет на будущее время воздержаться от печатания статей, противных духу времени и правительства».¹⁰ Рассказ был запрещен, после чего последовало общее ужесточение цензурного режима.¹¹ Эти обстоятельства побудили писателя внимательнее относиться к своим будущим произведениям.

Во-вторых, в конце 1841 года Кукольник испытывал серьезные финансовые затруднения. Согласно дневниковым записям, «надеждой своего существования»¹² в этот период он считал журнал «Русский вестник» Н. И. Греча и Н. А. Полевого: сотрудничество с ним некоторое время позволяло Кукольнику вести привычный ему богемный образ жизни. Тем не менее денежные дела Полевого, в ведении которого находился «Русский вестник», были очень запутаны: жалование сотрудникам выплачивалось нерегулярно, и финансов не доставало даже на издание журнала в установленные сроки.¹³

В дневниковой записи от 31 декабря 1841 года Кукольник подводит итог гонорарам, полученным за публикацию своих сочинений, а также составляет перечень произведений, которые так и не были напечатаны или поставлены на сцене. Выводы, к которым приходит писатель, неутешительны. Придающий особое значение денежной стороне своего существования, Кукольник отмечает, что все эти затруднения нанесли ему «ущерб значительный».¹⁴

Новый 1842 год не сразу принес Кукольнику избавление от проблем. В дневниковой записи от 2 апреля читаем: «Вот уже прошло три месяца года нужд. С большим трудом пробивался я в денежном отношении. <...> Для этого года я еще ни на что не решился: планов бродило много, но ни один не устоялся».¹⁵ Тем не менее на новый издательский проект Кукольник, подгоняемый безденежьем и желанием реабилитировать себя в глазах власти, решился довольно скоро: 28 апреля 1842 года писатель получил разрешение на издание альманаха «Дагеротип».

По всей видимости, Кукольнику официально удалось присвоить «Дагеротипу» статус альманаха. Об этом свидетельствует тот факт, что в журналах заседаний Петербургского цензурного комитета за 1842 год упоминаний «Дагеротипа» нет.¹⁶ В списках же рукописей, рассмотренных цензурными комитетами в 1842 году, «Дагеротип» располагается рядом с многочастными изданиями (например, «Канва всемирной истории Ростислава Орлова», «Таинственный монарх, или некоторые черты из жизни Петра I») и газетами (например, «Литературная газета», «Messenger de St.-Petersbourg»)¹⁷

Перед Кукольником стояла задача воплотить в жизнь коммерчески успешную литературную форму. Самостоятельное издание толстого журнала Кукольник позволить

⁹ Шевырев С. П. [Рец. на:] Сказка за сказкой // Москвитянин. 1841. № 12. Отд. VI. С. 424–428.

¹⁰ Письма гр. А. Х. Бенкендорфа к Н. В. Кукольнику о впечатлении, произведенном на Николая Павловича чтением повести «Сержант, или Все заодно». 1842 // Русская старина. 1871. № 6. С. 793. Ср.: Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909. С. 133.

¹¹ Уваров потребовал «поставить вообще С.-Петербургскому цензурному комитету в обязанность: употреблять особенную осмотрительность при цензуровании сочинений, которых авторы как бы исключительным предметом своих изображений избирают нравственное безобразие и слабости, и о всех описаниях такого рода, заимствованных из нашего отечественного и народного быта, представлять предварительно своему начальству, от благоусмотрения коего будет зависеть, и в нужных случаях спрашивать его разрешения» (РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 35. Л. 1).

¹² ИРЛИ. Ф. 371. № 78. Л. 14.

¹³ См.: Полевой К. А. Записки. СПб., 1888. С. 530–547.

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 371. № 78. Л. 14.

¹⁵ Там же. Л. 18.

¹⁶ РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 35.

¹⁷ Там же. Ф. 772. Оп. 1. № 1509.

себе не мог как по политическим, так и по финансовым причинам: предприятие это было весьма затратное.¹⁸ Кроме того, осуществление подобного проекта было связано с организационными сложностями.

Вместе с тем писатель владел другим типом капитала — капиталом символическим: в начале 1840-х годов его литературная репутация и связи с литературным миром были по-прежнему весьма устойчивы. С середины 1830-х годов Кукольник собирал у себя почитателей своего таланта, писателей, художников, музыкантов, сановитых любителей искусства. Популярность вечерам в доме Кукольника обеспечивали веселый нрав хозяина, его умение импровизировать и организовывать театральные постановки, а также образ обуреваемого страстями романтического поэта.¹⁹

Летом 1842 года, живя на даче в Парголово, Кукольник продолжал приглашать к себе гостей. Из записок, оставленных самим писателем, мы узнаем не только то, какие книги он читал и какие произведения писал в это время, но и то, с кем ему чаще всего доводилось общаться. Так, на парголовской даче Кукольника регулярно бывали литераторы О. И. Сенковский, А. Н. Струговщиков, И. И. Лажечников, В. Я. Петров, В. А. Владиславлев, книгопродавец М. Д. Ольхин, художник Я. Ф. Яненко, композитор В. М. Кажинский и некоторые другие.²⁰

Эти же имена возникают и на страницах альманаха «Дагеротип» — в качестве авторов повестей и пьес или действующих лиц очерков и фельетонов. Неудивительно при этом, что имя самого организатора литературного кружка фигурирует в альманахе чаще всего.

Одним из цензоров «Дагеротипа» выступил еще один приятель Кукольника П. А. Корсаков, который сотрудничал с ним уже при издании «Художественной газеты», одного из недавних проектов Кукольника (1836–1838, 1840–1841). По воспоминаниям писателя В. П. Бурнашева, «добрейший и милейший» Корсаков «умел сочетать букву цензурного устава с посильным служением на пользу отечественной словесности, выступая „вечным ходатаем“ за писателей».²¹ В альманахе «Дагеротип» его перу принадлежит одно небольшое переложение голландской легенды XVII века под названием «Шестиголовый дом в Амстердаме».

Отбор произведений по принципу дружественности, царящей между литераторами, роднит альманах Кукольника «Дагеротип» с более ранними образцами этого типа издания. В таком духе, например, пишет о «дельвиговском кружке», из которого вышли «Северные цветы», В. Э. Вацуро: «Сам же кружок интимен; он не „функционализирует“, он живет обычной, домашней жизнью, с одной только особенностью: быт его литературен, и чтение чужих произведений и писание своих для него такая же повседневность, как дружеский визит или вечернее чаепитие».²²

Экономически выгодным издание становится только в том случае, если оно имеет популярность у читателей. Именно поэтому Кукольник внимательно подошел к представлению альманаха «Дагеротип» публике.

Так, литератор неслучайно выбрал название альманаха. По мнению Е. А. Бархатовой, цель Кукольника состояла в том, чтобы привлечь публику, которая в большинстве своем верила в чудесную, мистическую природу дагеротипов.²³

Изобретение Л. Дагера действительно вызвало огромный резонанс как в европейском, так и в российском обществе. О нем часто и с восхищением писали в прессе: как

¹⁸ См.: *Макеев М. С.* Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель. М., 2008. С. 94–120.

¹⁹ См.: *Панаев И. И.* Среди Н. Кукольника // Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века. М., 2019. С. 127.

²⁰ См., например: «Был в городе <...> у <П. А.> Корсакова, Платона <Кукольника — брата писателя>, в лавках и у <М. Д.> Ольхина» и т. д. (ИРЛИ. Ф. 371. № 78. Л. 22–26).

²¹ *Бурнашев В. П.* Из истории нашей литературы недавнего прошлого // Биржевые ведомости. 1872. 22 дек. № 21.

²² *Вацуро В. Э.* «Северные цветы». История альманаха Дельвига–Пушкина // Вацуро В. Э. Избр. труды. М., 2004. С. 35.

²³ *Бархатова Е. В.* Русская светопись. Первый век фотоискусства 1839–1914. СПб., 2009. С. 25.

указано в определении к слову «дагерротип» в «Карманном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (1846), описание этого прибора «можно встретить в любом журнале».²⁴

Важно отметить трансформацию названия альманаха. Кукольник решил отказать от первоначального названия «Всякая всячина», фигурирующего в записных книжках, и назвать альманах «Дагеротипом», чтобы придать ему большее концептуальное осмысление и, по всей видимости, выделить его в ряду сходных изданий. Вместе с тем оказывается, что оба названия избраны по одному принципу: «Всякая всячина» или «Смесь» — традиционное название газетного или журнального отдела, куда помещались фельетоны и все трудноопределяемые в жанровом отношении тексты в целом, а жанр фельетона, как покажет дальнейший ход рассуждений, напрямую соотносится с явлением дагеротипии.

Однако на страницах всех двенадцати тетрадей альманаха практически нет упоминаний о Луи Дагере и его изобретении — каким же образом в таком случае название «Дагеротипа» согласуется с его содержанием?

Издатель «Дагеротипа» предполагал включать в его состав «литературно-дагеротипные произведения», которые якобы были найдены им «в таинственной темной палате (camera obscura)» и созданы самой природой, без вмешательства человека: «Нам удалось выписать один экземпляр этого занимательного механизма и привести в действие посредством известного двигателя, не уступающего теплотой и блеском самому солнцу. К удивлению, <...> мы нашли и стихи, и повести, и разные известия; мы решились издать первые опыты на суд публики, и, если она найдет их сколько-нибудь достойными внимания, продолжать издание литературно-дагеротипных произведений по мере их изготовления. Остается пожелать, чтобы литературная погода постоянно благоприятствовала нашим опытам».²⁵

Концепция издания неоднократно проговаривается во вступительных статьях:²⁶ «...будем себе издавать помаленьку, как Феб пошлет, а он у нас главный хозяин, как явствует из самого названия».²⁷ Смысл этой иносказательности в том, что изображение, получаемое с помощью дагеротипного аппарата, есть результат действия света на слой йодистого серебра, то есть снимок появляется словно бы по воле бога света Феба, в ведении которого находятся также и искусства. В первой тетради «Дагеротипа», в состав которой входят семь произведений, содержание предваряется надписью: «из семи следующих рисунков», — иными словами, литературный текст приравнивается издателями к рисунку, дагеротипному снимку.

Исходя из заявлений о нерукотворной природе «Дагеротипа», можно было бы ожидать, что напечатанные здесь тексты останутся без подписи. Тем не менее в альманахе практически нет анонимных произведений. Более того, Кукольник не раз подчеркивает, что в создании «Дагеротипа» принимают участие выдающиеся писатели: «„Дагеротип“ заключает в себе <...> более двадцати имен, пользующихся доброй известностью».²⁸ По всей видимости, это противоречие объясняется тем, что для литератора важнее всего было сделать альманах потенциально привлекательным для публики.

Вместе с тем в составе «Дагеротипа» выделяются две постоянные рубрики, не подписанные именами реальных авторов. Это «Астраханские письма» (завершаемые инициалом «С.») и «Заметки о Петербурге» (написанные якобы неким Т-вым), организующие единство издания и проясняющие его «дагеротипную» концепцию. Как

²⁴ Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1846. Вып. 2. С. 46.

²⁵ [Кукольник Н. В.]. Дагеротип // Дагеротип: Издание литературно-дагеротипных произведений. СПб., 1842. Тетр. 1. С. 2.

²⁶ Такие статьи предпосланы к половине тетрадей с целью объяснить намерения издателей, анонсировать состав выпуска или откликнуться на критические замечания других журналов и газет — все они совпадают в заглавии с самим альманахом.

²⁷ Там же. Тетр. 2. С. 2.

²⁸ Там же. Тетр. 12. С. 2.

показывают дневники Кукольника, автором «Писем» и «Заметок» является сам издатель «Дагеротипа».²⁹

«Письма» написаны от имени столичного жителя, который, обращаясь к своему другу-провинциалу, рассуждает о современной литературе и музыке, философствует на темы отвлеченные и вполне конкретные (история и методы ее преподавания, первые памятники письменности), а самое главное — «безопасные», не дающие повода упрекнуть Кукольника в неблагонамеренности. Если в первых письмах литературная маска столичного приятеля выдерживается автором от начала до конца (он часто обращается к своему астраханскому другу, задает ему вопросы о жизни в Астрахани и т. д.), то в последующих выпусках от провинциального приятеля остается формальное «ты».

Вне сомнения, «Астраханские письма» являются фельетоном. В них реализуются все черты этого жанра, отмеченные В. Л. Комаровичем: городской пейзаж, непринужденность разговорного стиля, полная свобода в переходах от одной темы к другой, определенная авторская установка (фланирующий мечтатель, записывающий случайные впечатления улицы).³⁰ При этом здесь реализуется характерная для русского фельетона 1830–1840-х годов «дистанция между автором и созданной им фельетонной маской».³¹

Все вышесказанное относится и к другой постоянной рубрике альманаха «Заметки о Петербурге», тоже фельетону в жанровом отношении. Они написаны от лица провинциала-фланера, гуляющего по городу и выносящего суждения о том, что он видит. Трактиры, извозчики, отношения с женой — все это становится предметом рассуждения повествователя.

Фельетонность «Писем» и «Заметок» распространяется и на остальные тексты альманаха, относящиеся к другим жанрам. Будничный, «домашний» тон с сообщением бытовых подробностей издания «Дагеротипа» — неприятно удививший Белинского³² — свойствен как вступительным статьям, так и, например, повести «Семен Семенович Огурчиков» Полевого или очерку «Дача» (автор которого — «житель наемной дачи», т. е., вероятнее всего, сам Кукольник, снимавший в это время дачу в Парголово).

То, что Белинский называет «фамильярностью», видимо, является еще одной традиционной альманашной чертой, которая в 1840-е годы прочитывается критиком уже в ином — негативном — ключе. Это имитация дружеской близости, особый интимный тон, которым проникнуты не только вступительные статьи и заметки от редакции, но и помещенные в состав традиционного альманаха тексты.

Фельетонная манера повествования обусловлена не только особенностями издания альманаха («дачи, переезды, корректуры — все это препятствовало выходу книжек»³³) — она избирается Кукольником в качестве основной, поскольку в наибольшей степени соответствует концепции «литературно-дагеротипных произведений»: «дагеротипизм» фельетонов не раз назывался современниками в числе их отличительных признаков. Так, в «Литературной газете» читаем: «Фельетон — настоящий воплощенный дагерротип: в нем все отражается, от него нет спасенья; он ходит в виде трех мелко испещренных столбцов и пожирает все, что ему только попадет на глаза».³⁴

²⁹ В указателе Смирнова-Сокольского эти тексты оставлены без атрибуции. Атрибутировать их позволяют дневниковые записи Кукольника. См., например, заметки от 14 июня: «В церкви. Гуляли. Б<ыл> Петров. Написано стих<отворение> „Суворов“ и „Петербургск<ие> Заметки“ о знакомстве»; от 21 июня: «Афишка и статьи о железной дороге. „Заметки о Петербурге“ Ст<атья> 2 и „Астраханское 4е письмо“» и др. (ИРЛИ. Ф. 371. № 78. Л. 22–26).

³⁰ Комарович В. Л. Петербургские фельетоны Достоевского // Фельетоны сороковых годов. М.; Л., 1930. С. 89–124.

³¹ Зыкова Г. В. Поэтика русского журнала 1830-х — 1870-х гг. М., 2005. С. 83.

³² «Право, мы того и ждем, что сочинитель „Астраханских писем“ уведомит публику, что у него пропали сапоги и что его человек был пьян или что-нибудь в этом роде. Удивительная фамильярность с публикой!» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 263).

³³ Дагеротип. Тетр. 12. С. 2.

³⁴ [Б. п.]. Смесь // Литературная газета. 1845. 1 фев. № 5. Первым обратил внимание на этот источник А. Г. Цейтлин (Цейтлин А. Г. Становление реализма в русской литературе: Физиологический очерк. Л., 1965. С. 109).

Отсутствие отбора материала, фиксация всех явлений действительности без разбора — так обычно характеризовался и принцип работы дагеротипного аппарата.³⁵

В фельетоне эти черты проявляются как разрозненность и некоторая хаотичность содержания, что характерно как для альманаха «Дагеротип» в целом,³⁶ так и для «Астраханских писем» в частности. Интересно замечание Ф. В. Булгарина о жанровой природе «Писем». Он пишет о том, что по своему составу они напоминают «журнальную всякую всячину».³⁷ «Смесь. Журнальная всякая всячина» — это название одного из отделов «Северной пчелы», тоже фельетона в жанровом отношении.

Желая обеспечить своему альманаху дополнительную популярность, Кукольник позаботился не только о содержательной составляющей «Дагеротипа», но и о вписанности альманаха в литературное пространство. В 1840-е годы наиболее влиятельной, популярной, а потому, как правило, более выгодной формой издания являлся толстый литературный журнал. По свидетельству Белинского, «в журналах теперь сосредоточилась наша литература, и оригинальная и переводная».³⁸ О том, что Кукольнику это было хорошо известно, свидетельствуют черты альманаха «Дагеротип», сближающие его с журналом.

Во-первых, ориентация Кукольника на толстый литературный журнал косвенно подтверждается периодичностью публикации первых материалов альманаха. Хотя срок издания каждой тетради литератором не определялся, первые выпуски выходили раз в месяц.³⁹ Впоследствии этот принцип нарушился, и временные промежутки между следующими выпусками составили несколько дней, а цензурные билеты для тетрадей с седьмой по двенадцатую и вовсе были получены только в октябре и ноябре, при этом девятая, десятая и одиннадцатая появились под одной обложкой. Во вступительной статье к одному из выпусков альманаха подобная нерегулярность объясняется нежеланием «издавать ничего срочного», вызванным «чувством оригинальности».⁴⁰

Несмотря на то, что периодичность издания выпусков альманаха не была выдержана Кукольником до конца, очевидно стремление литератора к ней, свидетельствующее, вероятно, о том, что Кукольник избирает форму толстого литературного журнала, подчиняясь основному закону его издания.

Во-вторых, несмотря на то, что дружеский кружок Кукольника — совсем не то же самое, что редакция толстого литературного журнала, объединяемая, в первую очередь, рабочими интересами, писатель стремится представить свой литературный круг в расширенном виде. Так, в одной из первых тетрадей «Дагеротипа» он сообщает: «Редакция (вероятнее всего, представленная одним лишь Кукольником. — Е. В.) получила много прекрасных статей для своего издания и не замедлит их выпуском»,⁴¹ называя упомянутых выше Полевого, Струговщикова и Лажечникова и завершая этот ряд словами «и многие другие». Тем не менее анализ записных книжек и дневников

³⁵ Например, так пишет об этом А. Д. Галахов: «Верность действительности может быть двойная: творческая, состоящая в ярком воспроизведении отличительных, характеристических особенностей каждого лица, и дагерротипная, состоящая в тщательном и безразличном записывании всего, что видится и слышится» (Галахов А. Д. «Бедная невеста», комедия А. Островского // «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов. СПб., 2015. С. 249). См. об этом подробнее: *Вожик Е. И.* «Псевдорреализм» и «дагерротипизм»: к вопросу о языке литературной критики рубежа 1840–1850-х гг. // *Текстология и историко-литературный процесс: Сб. статей. М., 2018. [Вып. VI]. С. 62–76.*

³⁶ В рецензии на альманах Белинский отмечает, что не все произведения «Дагеротипа» находят на своем месте: например, известие об обнаружении в коллекции князя А. И. Долгорукого оригинальных эскизов знаменитых художников было бы уместнее в новостной газете (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 187).

³⁷ [Булгарин Ф. В.]. Смесь. Журнальная всякая всячина // *Северная пчела*. 1842. 27 июня. № 142.

³⁸ *Белинский В. Г.* Русская литература в 1841 году // *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 571.

³⁹ Цензурные билеты № 732, 884, 1028 от 7 мая, 9 июня, 7 июля соответственно (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 1509).

⁴⁰ Дагеротип. Тетр. 2. С. 2.

⁴¹ Там же.

Кукольника показывает, что большинство произведений, напечатанных во всех двенадцати тетрадах «Дагеротипа», находились в распоряжении литератора уже на стадии разработки проекта издания: об этом свидетельствуют предварительные планы содержания выпусков.⁴² О «значительном накоплении материала»⁴³ он пишет и сам во вступительной статье ко второй тетради «Дагеротипа». А перечень имен тех самых «многих других» авторов альманаха не отличается многообразием: Полевой, Струговщиков и Лажечников являются главными поставщиками произведений для «Дагеротипа».

Все это говорит о стремлении Кукольника создать у читателей образ издания, известного и даже популярного среди разных литераторов, которые желают напечатать свои произведения в «Дагеротипе». Вместе с тем он находит возможность заявить и о популярности издания среди самих читателей: «Значительное число не подписчиков, а покупателей первой тетради „Дагеротипа“ подает возможность Редакции и уменьшить, и определенно назначить цену на все предыдущие тетради».⁴⁴

В-третьих, к типу периодического издания альманах «Дагеротип» приближает наличие в нем своего рода литературно-критического отдела, в роли которого выступает фельетон «Астраханские письма».

Во втором письме фельетонист Кукольника (С.) называет себя критиком, но при этом намеренно смешивает два значения этого слова: критик как профессиональный литератор, анализирующий тот или иной текст, и критик как человек, отыскивающий в чем-либо недостатки, склонный к порицаниям: «Все это я говорю про себя, потому что я критик. Ты, может быть, этого не знал; так знай же. Я каждый день кого-нибудь да критикую. И как я критик высшего разряда, то дело имею только с первоклассными гениями. Шекспир, Шиллер, Гете, Августин Тьерри, древние классики и т. д. — вот кому достается от меня. А Гете — пришлось плохо после смерти. У него ни при жизни, ни по смерти не было такого Зоила».⁴⁵

Однако далее шутивное обыгрывание значения слова «критик» неожиданно оборачивается буквальным вживанием повествователя в эту литературную маску: «У меня есть один знакомый, который более трех лет думает о правильной драматургии; есть у него и тетрабочка, в которой он изложил план своего будущего сочинения с некоторыми объяснениями».⁴⁶ Я уприсил напечатать этот слабый опыт в „Дагеротипе“, так как и отрывок из Вильгельма Мейстера, перевода А. Н. Струговщикова».⁴⁷ Из этого можно заключить, что повествователь «Астраханских писем», по всей вероятности, не просто фланер, склонный к размышлениям об искусстве, а еще и заведующий «литературно-критическим отделом» альманаха «Дагеротип».

Стоит отметить, что С., несмотря на уверения в непредвзятости,⁴⁸ чаще всего удостоивает положительных оценок тех авторов, произведения которых печатаются в «Дагеротипе», или прямо хвалит именно эти произведения.

Так, например, особым расположением автора «Астраханских писем» пользуется Струговщиков, в 1842 году начинавший работу над переводом «Фауста»: «...я читал недавно, или, правильнее, слушал новый перевод Фауста (Гете), стихами и — необыкновенно хорошо!»⁴⁹ В «Дагеротипе» же напечатаны другие его переводы, которые тоже

⁴² См., например, план первой тетради: «Лисцт. — Стихи. — Повесть: Три. Справочное место. Железная дорога. Шереметевский хор. Черноглазова издание. Литературные, музыкальные, театральные и художественные тайны и конечно. Даже может быть и не все предметы войдут в состав первой книжки. Она должна состоять из двух печатных листов» (ИРЛИ. Ф. 371. № 78. Л. 25а).

⁴³ Дагеротип. Тетр. 1. Тит. лист.

⁴⁴ Там же. Тетр. 2. С. 1–2. Вероятно, имеются в виду не предыдущие, а последующие тетради.

⁴⁵ Там же. С. 36.

⁴⁶ По всей видимости, речь здесь идет о напечатанном в двенадцатой тетради произведении самого Кукольника под названием «Невинные злодеи, или Сюжет для комедии».

⁴⁷ Дагеротип. Тетр. 2. С. 36.

⁴⁸ «Но сделай милость, не подумай, что похвалы мои имели источником наше литературное соседство. Ой нет! И другу, и недругу в глаза правду; а если я мнение мое решаю напечатать, так только приятную правду, а иначе не стоит и пера брать в руки» (Там же. Тетр. 8. С. 41).

⁴⁹ Там же. Тетр. 5. С. 7.

получают одобрение С.: «Мудрец Платон и ученик его Ктезипп» и XX глава из IV части «Вильгельма Мейстера».

Гораздо более охотно фельетонист рассуждает о проблемах современного книгоиздания. Так, в седьмом «Астраханском письме» предметом рассуждений Кукольника становятся гравюры и политипажи, которые широко распространились в 1840-е годы. Он убежден, что иллюстрированные издания, подобно лубочной литературе, могут предназначаться только для «общенародного чтения», в то время как литература «серьезная» не должна пользоваться такими дешевыми средствами привлечения читательского внимания, какими являются политипажи: «Да минуют эти гравюры (политипажи. — Е. В.) сочинения, составляющие достояние образованного класса. В этом случае деревянные как-то роняют достоинство книги и уменьшают ее внутреннюю важность».⁵⁰

Очевидно, что Кукольник относит альманах к «серьезным» изданиям, рассчитанным на просвещенного читателя. Однако одновременно с этим издатель «Дагеротипа» выдвигает к его текстам требование обладать «приятностью» и быть незатруднительными в чтении⁵¹ — очередная черта альманаха 1820–1830-х годов.

Таким образом, Кукольник надевает фельетонную маску литературного критика, тем самым приспособляя «Дагеротип» к форме существования журналов и газет, в составе которых традиционно отводится место фельетону («Современник», «Библиотека для чтения» и т. д.).

О том, что у Кукольника хотя бы отчасти получилось вписать свой альманах в широкое поле литературы, свидетельствует литературная полемика, развернувшаяся вокруг «Дагеротипа».

В первую очередь нас будут интересовать уже цитировавшиеся выше статьи Белинского в «Отечественных записках» и фельетоны Булгарина в «Северной пчеле» — тексты авторов полярных, а потому интересных для сравнения. Отзывы на альманах, принадлежащие перу других критиков, обнаружить не удалось. Представляется, что они не отличались развернутостью или, что вероятнее, отсутствовали вовсе. Об этом говорит следующий факт: во вступительной статье к седьмой тетради альманаха, имеющей подзаголовок «Отзывы газет и журналов о „Дагеротипе“», издатели открыто полемизируют с «Отечественными записками» и «Северной пчелой», о других же периодических изданиях (или их предшественниках) не говорится; статья завершается словами: «Об отзывах других журналов собираются справки».⁵² Тем не менее в последующих тетрадях «Дагеротипа» никаких упоминаний о рецепции альманаха в критике не появляется.

Наиболее развернутые рецензии на альманах принадлежат Белинскому. В статье «Русская литература в 1841 году» критик определяет талант Кукольника следующим образом: «Не так слаб, чтобы ограничиться безделками, доставляющими фельетонную известность, и не так силен, чтобы создать что-нибудь выходящее за черту посредственности».⁵³ Эта емкая характеристика резюмирует все высказывания Белинского о произведениях Кукольника в целом.

В серии рецензий на «Дагеротип» критик бегло перечисляет вошедшие в состав издания произведения, сжато характеризуя каждое из них. Последние же шесть тетрадей альманаха удостаиваются только одной короткой заметки, которая завершается словами: «Вот и всё, что есть в шести тетрадях „Дагерротипа“ особенно хорошего или особенно плохого».⁵⁴ Очевидно, что в содержании альманаха Белинский не находит ничего примечательного. Единственное произведение, получившее одобрение критика, — драма И. И. Лажечникова «Христиерн II и Густав Ваза» — признается, тем не менее, повторением предшествующих достижений литературы.⁵⁵

⁵⁰ Там же. Тетр. 9–11. С. 119.

⁵¹ «„Дагеротип“ заботится об одном: доставить публике приятное чтение, не слишком обременяя внимание, не обращая чтения в тяжкий и не всегда благодарный труд» (Там же. Тетр. 2. С. 2).

⁵² Там же. Тетр. 7. С. 4.

⁵³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 580.

⁵⁴ Там же. Т. 6. С. 500.

⁵⁵ Там же. С. 262.

Положительную оценку драме Лажечникова дает и Булгарин. Прочие же произведения характеризуются куда более сдержанно. При этом нельзя не отметить, что два отзыва Булгарина разнятся по общей тональности. По первому из них можно заключить, что критик отнюдь не жалуется Кукольника: Булгарин избирает в качестве основного приема иронию и позволяет себе колкие замечания по поводу прочитанного. Наименее удачной им, по всей видимости, признается повесть Полевого «Семен Семенович Огурчиков», разбору которой он уделяет в своем отзыве значительное место; заключен этот разбор следующими словами: «И за то спасибо! Могло быть и хуже! А издатель „Дагерротипа“ вовсе не виноват! Он думал, что нашел клад, когда приобрел широковетательное писание, с огородным названием писателя...».⁵⁶

В ответах «Дагерротипа» на замечания критиков видно стремление всеми силами оправдать себя и восстановить уязвленное самолюбие: «Новорожденных обыкновенно встречают ласково, радушно; не то случилось с „Дагерротипом“».⁵⁷ В результате Кукольник разменивается на мелочные придирки и язвительные замечания в сторону обидчика: «Почему при слове „старания“ поставлен журнальный крючок или так называемый вопросительный знак в скобках?»⁵⁸

Комментируя эти замечания во втором отзыве на «Дагерротип», Булгарин меняет тон и отзывается об альманахе куда более благожелательно: «...если господа издатели „Дагерротипа“ по некоторым нашим замечаниям подумали, что „Северная пчела“ не благоприятствует „Дагерротипу“, то они ошиблись в этом. Напротив! Мы желаем всех благ этому изданию и за то, что в нем не заметно желчи, не видно неприязненного направления. И если существует „Литературная газета“, то как же не существовать „Дагерротипу“, который в литературном отношении в сто тысяч раз выше и „Литературной газеты“, и „Отечественных записок“. Правда, это не велика похвала „Дагерротипу“, но ведь мы не сравниваем, а упоминаем о журналах для того только, чтобы подивиться счастью. Кто читает и понимает эти пафосы действительности, эту гуманность субъективности, действующие на объективности, сальности и всю эту тарабарскую грамоту — не постигаем!»⁵⁹

Разбор альманаха Кукольника во втором отзыве Булгарина превращается в скрытый спор с «Отечественными записками», в которых издатель «Северной пчелы» видит куда более серьезного противника. С Кукольником же он находит возможность солидаризироваться в условиях борьбы с «Отечественными записками». Выделяя курсивом слова «пафосы действительности», «гуманность субъективности», «объективности», Булгарин иронизирует, в первую очередь, над языком статей Белинского.

«Отечественные записки» не остаются в долгу у «Северной пчелы». Белинский пишет: «„Дагерротип“ обеспечил себя разными союзами, вследствие которых, будучи разбранен в 142 № „Северной пчелы“, он теперь расхвален в 164 № той же самой газеты. <...> Из этого ясно видно, что „почтеннейшие“ объяснились и поняли друг друга. Дай им бог совет и любовь: они стоят друг друга...».⁶⁰ Белинский ярко противопоставляет себя как Булгарину, так и Кукольнику, чьи произведения для него одинаково далеки от образа той литературы, устройством которой он себя чувствовал.

Подведем итоги сказанному. Стремясь решить вполне конкретные задачи — править свое общественное и финансовое положение, Кукольник издает альманах и делает все от него зависящее, чтобы обеспечить «Дагерротипу» популярность. Литератор прекрасно осознает, какой тип издания является наиболее востребованным у публики, но не имеет финансовой возможности осуществить его, а также не хочет усугублять и без того непростые отношения с правительством — и потому издает альманах, ориентированный на кружковое сотрудничество. При этом Кукольник, со-

⁵⁶ Северная пчела. 1842. 27 июня. № 142. Тональность отзыва Булгарина обусловлена в том числе тем, что личные взаимоотношения литераторов складывались сложным образом (см. об этом, например: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 58–62).

⁵⁷ Дагерротип. Тетр. 2. С. 1.

⁵⁸ Там же. Тетр. 7. С. 3.

⁵⁹ Северная пчела. 1842. 25 июля. № 164.

⁶⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 261.

четая традиционные альманашные черты с особенностями толстого литературного журнала, очевидным образом подстраивается под законы функционирования института журналистики. Тем не менее «Дагеротип» по типу издания мало напоминает «Отечественные записки» или даже «Северную пчелу»: он располагается между двумя полюсами, будучи равноудаленным от каждого из них.

Альманах «Дагеротип» вряд ли может быть назван успешным изданием. Он не получил однозначно положительных отзывов в критике, и в конце концов интерес к нему потерял даже сам Кукольник, наскоро издав остававшиеся у него материалы без какого-либо концептуального осмысления в двенадцатом выпуске, уступающем по объему всем предыдущим тетрадям. Вероятнее всего, осуществлению планов Кукольника помешала внутренняя противоречивость «Дагеротипа», его промежуточное положение между журналом и традиционным альманахом. Как представляется, Кукольнику и членам его кружка не удалось до конца сформировать облик потенциального читателя «Дагеротипа». В сущности, именно об этом пишет Белинский: «Кто это читает, кому это нужно — бог весть!»⁶¹ Тем не менее для современного исследователя чтение изданий, подобных «Дагеротипу», может быть полезно: оно помогает прояснить сложные законы, по которым распределяются силы внутри литературного поля.

⁶¹ Там же. С. 228.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-99-112

© В. П. Трыков

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА, РОССИЯ И РУССКИЕ В СТАТЬЯХ И. ДЕЛАВО ДЛЯ ЖУРНАЛА «REVUE DES DEUX MONDES»

Ипполит Делава (1808–1862) — французский писатель, литературный критик и переводчик — был до 1860-х годов ведущим специалистом по современной ему русской литературе, ее активным популяризатором в парижском журнале «Revue des Deux Mondes», который был основан в 1829 году швейцарским типографом Франсуа Бюлозом и стал одним из влиятельнейших французских периодических изданий XIX века. В разное время в журнале сотрудничали известные писатели и литературные критики: Жорж Санд, А. де Мюссе, П. Мериме, Ш.-О. Сент-Бев, Г. Планш, И. Тэн, Э. Ренан. В журнале были широко представлены материалы по иностранной литературе. Не была обойдена вниманием и русская литература: всего с 1831 по 1873 год ей было посвящено двадцать статей, среди авторов которых П. Мериме, Ш. де Сен-Жюльен, Сен-Рене Тайандье, Л. Леже. Каждому из этих почтенных авторов принадлежало по одной-две статьи. Делава с 1854 по 1860 год опубликовал в журнале девять статей о русской литературе: «Современный русский роман. Александр Герцен» (1854), «Годы заключения и изгнания русского писателя. Александр Герцен» (1854), «Русский национальный эпос: „Слово о полку Игореве“» (1854), «Роман народных нравов в России. Григорович» (1855), «Литература и военная жизнь в России: 1812 г., Кавказ, Крымская война в произведениях русских писателей» (1856), «Николай Некрасов, сатирический поэт» (1856), «„Семейная хроника“ С. Т. Аксакова» (1857), «Религиозные нравы, схизматики русской церкви, староверы в романе и в истории» (1858), «Сатирический роман о нравах русской бюрократии. „Тысяча душ“ Писемского» (1860).

Делава не был ни крупным писателем, ни ученым-литературоведом. Он был культурным французом, знавшим русский язык, интересовавшимся русской литературой, переводившим на французский произведения А. И. Герцена и И. С. Тургенева и стремившимся познакомить французского читателя с ее образцами. Написанное им интересно как отражение представлений образованного француза о России. Более того, как